Малышева С.Ю.

«Советский лубок» и «праздничный пряник»: властные стратегии культурной адаптации раннесоветских праздников*

Празднествам первого советского десятилетия отводилась важнейшая роль в деле легитимации советской власти, прихода к власти большевистской партии. Они были призваны создавать коллективные воспоминания о событиях революционной истории, прежде всего, о ключевом событии – моменте взятия власти, Октябрьской революции. Празднества стали важнейшим полигоном для создания и апробации новых исторических мифов. Однако новую историческую мифологию предстояло не только создать, апробировать, но и внедрить в сознание широких масс, в историческую память последующих советских поколений. Трансляция новой исторической мифологии в широкую общекультурную сферу, ее адаптирование для широких масс, укорененных в традиционной народной праздничной культуре, - стала одной из важнейших задач большевистских организаторов празднеств и творцов «праздничной» политики.

Историческое сознание и память широких полуграмотных масс - носителей неписьменной культурной традиции, - в значительной степени формировали непосредственные аудиовизуальные образы и эмоциональные впечатления, полученные в ходе подготовки и проведения празднеств, и в большей или меньшей степени подкреплявшиеся различного рода устными или письменными нарративами.

Проблема сопряженности визуального и вербального при анализе визуальных источников сегодня беспокоит многих исследователей. Некоторые из них считают, что изучение и интерпретация визуальных источников без вербальных некорректны, поскольку чреваты впадением в грех гиперинтерпретации со всеми вытекающими последствиями – включая искажение авторского замысла и т.н. «смерть автора».

Творцы раннесоветских празднеств тоже были озабочены этой проблемой и также опасались неверных интерпретаций. Правда, разумеется, из дру-

гих соображений. «Символический универсум»[1] советской культуры только формировался, она легко оперировала самыми различными символами и образами. Как в свое время верно подметил В.Паперный, характеризуя раннесоветскую культуру (культуру «один»)[2], она обладала способностью заставить «чужое» говорить «свое». Но это «свое» должно было быть четко артикулировано. Визуальные образы должны были быть верно «прочитываемы». На это верное и легкое (что было немаловажно для малообразованных участников празднеств) прочтение символов и образов нарождающейся советской культуры обращали особое внимание организаторы празднеств.

В качестве одного из способов предохранения от неверного «прочтения» визуального образа творцами советской праздничной культуры было изобретено, например, одновременное, параллельное использование вербального и визуального символа. Пример такого «двуединочитаемого» образа был помещен в 1922 г. в петроградском журнале «Красный Октябрь»: «портрет Владимира Ильича Ленина, выступающий на фоне текста первых шести глав Конституции РСФСР» работы академика А.К.Смоликова[3]. Идею охотно подхватили в центре и в провинции. Например, к празднику 25-летия РКП(б) в 1923 г. создатели праздничного номера комсомольской газеты «Клич юного коммунара» в Казани точно так же решили двуединую задачу вербализации и визуализации одного из главнейших символов юбилейного события: передовая статья, посвященная партии и Ленину, представляла собой его портрет, составленный из букв текста этой статьи[4].

Однако намного более надежной гарантией «правильного» прочтения в общекультурном контексте революционной исторической мифологии и закрепления в культурной памяти поколений ее символов и исторических мифов было формирование связанного с этой мифологией устойчивого визуального ряда, каждый элемент которого вызывал бы четкие коннотации. В первое десятилетие революционные советские мифы тщательно и под нарастающим пристальным вниманием власти визуализировались в живописных произведениях самых различных жанров – от недолговечных плакатов и луб-

ков до написанных маслом и помещенных в государственные галереи картин «мэтров» советской живописи, а также в вещно-предметной атрибутике, выпускавшейся к праздничным датам и событиям.

Особенное внимание уделялось дешевым живописным жанрам, близким народу, малограмотным массам: лубку и «народному портрету». Уже к 20-летию революции 1905 г. в 1925 г. праздничной Центральной Комиссией ЦИК СССР был объявлен конкурс на плакат, который носил бы «характер лубка». Заранее оговаривались и темы, которые надлежало визуализировать: 9 января (Кровавое воскресенье), движение в войсках и флоте (восстание на броненосце «Потемкин»), декабрьское вооруженное восстание в Москве, карательные экспедиции в различных районах России, революционное движение 1905 г. в общем, революционное движение на окраинах[5]. Среди одобренных плакатов-лубков оказались «Крестьянский расстрел» А.А.Карыгина, «Крестьянская порка» Г.Н.Горелова, «Митинг» Н.М.Никонова, «Восстание на Пресне» С.М.Карпова и плакат с таким же названием В.Н.Пчелина, «Еврейский погром» В.С.Сварога.

На заседании Октябрьской юбилейной Комиссии Президиума ЦИК СССР 28 апреля 1927 г. организаторы празднеств апеллировали к дореволюционным визуальным практикам как важным способам трансляции каких-либо сюжетов или популяризации персоналий, которые необходимо использовать для продвижения новой, советской мифологии в широкие массы и популяризации вождей революции. Скажем, Розен вспомнил существовавшие раньше «душеспасительные плакаты, стоившие 3 – 5 копеек», о Страшном Суде, о Ваньке-Каине, о царе Салтане и пр. Он подчеркивал необходимость создания по их образцу таких плакатов-лубков об эпохе революционной борьбы, Октябрьской революции. Его горячо поддержал секретарь Комиссии М.Ф.Владимирский: «Раньше у тех же Никольских ворот за 5 копеек покупали портреты разных белых генералов и так далее». Он сетовал, что, пройдя по базару, не обнаружил там дешевых портретов Ленина, а в магазине они были слишком дороги – по 1 рублю, и недоступны широким массам населе-

ния[6]. Владимирский на другом заседании призывал «дать возможность крестьянину пустой угол, который у него образовался со снятием портретов генералов, завесить нашими советскими картинами, портретом Ленина»[7].

Для этой цели правильного идеологического заполнения «красного угла» 13 мая 1927 г. Секретариат Комиссии принял решение об издании и популяризации многоцветного удешевленного портрета Ленина[8]. Летом 1927 г. Ассоциация художников революционной России (АХРР) выпустила, по заданию Комиссии, серию лубков и народный портрет Ленина. Помимо недорогого (по 5 копеек) «народного портрета» Ленина, столь же дешевые (по 10 копеек за штуку) восьмикрасочные лубки[9] визуализировали упрощенную хронологическую схему истории революции, а фактически - примитивную черно-белую картину классовой борьбы. Так, серия «Октябрьские дни» включала 12 лубков: «Расправа с крестьянами накануне Октября», «К восстанию!», «Земля – крестьянам!», «Высадка матросов с броненосца «Аврора»», «Керенский в погоне за подкреплением», «Бегство Керенского из Гатчины», «Штурм Зимнего дворца», «Арест Временного правительства», «Захват Кремля», «Изъятие излишков», «Паника на бирже», «Крестьяне у Ленина»[10]. Обращает на себя внимание обилие «крестьянской» тематики этих «народных картинок». Оно прямо указывало на адресата этой продукции, предназначавшейся, в первую очередь, для распространения в деревне. В регионы рассылался специальный проспект, выпущенный 100-тысячным тиражом и рекламировавший юбилейную продукцию АХРР – значки, серии лубков (не только о революции, но и, например, о «новом быте»), серию посмертных портретов «пламенных революционеров», альбом деятелей ВКП(б)[11].

Исторические мифы, востребованные раннесоветскими празднествами, визуализировались и в произведениях «высокого» искусства. Например, в живописных полотнах, помещавшихся в государственные галереи. В 1923 г. в Москве был издан небольшой альбом «От рабства к Советам», составленный по картинам Музея революции СССР[12]. В нем, среди прочих, были представлены репродукции картин Пчелина «Казнь Разина», Е.М.Чепцова «Пуга-

чевщина», Д.Н.Кардовского «Декабристы в ссылке», Коссана «9 января», Г.Н.Горелова «Взятие Зимнего дворца». Таким образом, альбом представлял галерею зримых образов этапов революционной борьбы в России. К 10-летнему юбилею революции специальная Комиссия Совнаркома СССР занималась приобретением художественных произведений и заказами на произведения об Октябрьской революции. В частности, ею были заказаны либо приобретены скульптурные изображения героев советского революционного пантеона: «Голова Ленина» К.А.Вялова, «Стенька Разин» П.Ф.Сыченко, бюст М.Бакунина работы Б.Д.Королева, скульптура «Побежденный Пугачев» И.Г.Фрихара, и др.[13]

Центральная праздничная Комиссия при ЦИК СССР также заказывала скульптуры и картины для Музея революции СССР, который должен был стать одним из главных творцов и транслятором визуальных образов революции. Весьма показателен список картин, которые Комиссия предполагала закупить и заказать к юбилею. Фактически, он являет собой краткое концептуальное описание визуального ряда «героического периода» истории советской власти, истории революции и гражданской войны. Так, история 1917 г. должна была визуализироваться в 11 сюжетах, основным содержанием которых были классовые бои, штурмы, демонстрации в Петрограде и Москве, антивоенные выступления на фронте: «На Знаменской площади в февральские дни 1917 г.», «Февраль на фронте», «Приезд Ленина в Петроград», «3 июля 1917 г. у дома Кшесинской», «У Таврического дворца в Февральские дни», «Демонстрация 21 апреля», «Братание Корниловской дивизии с членами Петроградского Совета», «Разоружение большевистских полков на фронте», «Взятие Зимнего 25 октября 1917 г.», «У Никитских ворот в Октябрьские дни в Москве», «Взятие телефонной станции в Москве». Двадцать полотен должны были увековечить ключевые для советской исторической мифологии события на фронтах гражданской войны, среди них: «Бой под Бугульмой», «Расстрел бакинских комиссаров», «Выступление чехословаков в Челябинске», «Взятие Казани», «Поход Таманской армии», Выступление японцев в

Никольске на Амуре в 1920 г.», «Наступление Юденича на Петроград», «Бой на острове Мудъюг (Северный фронт)», «Взятие Перекопа», «Дивизия Гая под Варшавой в 1920 г.». Не были обойдены вниманием также такие важные внутриполитические события периода войны, как «Взрыв в Леонтьевском переулке», «Покушение на Ленина», «Восстание левых эсеров (1918, Бой в Трехсвятительском переулке)», Кронштадское восстание 1921 г.[14]. Еще в 1923 г. от художника А.Н.Чеботаревского в праздничную комиссию поступило интереснейшее предложение, повторявшееся им затем к 20-летнему юбилею революции 1905 г., к 10-летию Октября, обсуждавшееся, но окончательно отклоненное в феврале 1927 г. ввиду отсутствия достаточных средств. Он предлагал создать в Москве художественную панораму или диораму на один из наиболее популярных сюжетов по истории революции 1905 г., Октябрьской революции и гражданской войны: «9 января 1905 г. на площади перед Зимним Дворцом», или «Атака Зимнего Дворца в Октябре 1917 г.» или «Взятие красными войсками Перекопа» и пр.[15].

Примечательно, что объектами художественного воплощения в произведениях живописи становились именно те сюжеты, которые были наиболее популярными и востребованными революционными празднествами и инсценировками: штурм Зимнего дворца (картина А.А.Осмеркина «Взятие Зимнего дворца» и И.А.Владимирова «Осада Зимнего дворца»), расстрел 26 бакинских комиссаров (картина И.И.Бродского «Расстрел 26 бакинских комиссаров» и горельеф С.Д.Меркурова под тем же названием), «Кровавое воскресенье», взятие Перекопа, и др. Ярчайший пример влияния мифологии празднеств на изображение событий в живописи, литературе и на историческую память широких слоев народа – это нарочитая карикатурная феминизация личности А.Ф.Керенского. В ходе петроградских празднеств 1920 г., а затем и провинциальных празднеств, фактически, были легитимированы слухи 1917 г. о его бегстве из Зимнего дворца в платье сестры милосердия. С определенной поправкой этот миф и далее усердно культивировался вполне официально: как было сказано, в 1927 г. сюжет «Бегство Керенского из Гатчины»

вошел в юбилейную серию лубков АХРР. Он оказался настолько устойчивым, что нашел отражение и в популярной литературе, и даже в живописи. В Третьяковской галерее хранится картина Г.М.Шегаля «Бегство Керенского из Гатчины в 1917 г.» (1936 – 1938 гг.), запечатлевшая сюжет переодевания в пресловутое платье сестры милосердия. Двадцатью годами позже сюжет вновь воспроизвели Кукрыниксы в карикатурной работе «Последний выход Керенского» (1957).

Также старательно визуализировали нужный образ революции[16] и ее «человеческое лицо» и местные власти. Так, к 5-летнему юбилею Октября праздничная комиссия в Татарской республике предписывает помещать в праздничных номерах периодических изданий, выпускаемых к празднику, «клише: снимки рабочих-участников Революции, снимки погибших героев, портреты вождей революции и т.д.»[17]. В эти годы Казань славилась прекрасными художниками, особенно мастерами графики, работавшими на темы революции. Как подчеркивал председатель республиканского отделения АХРР И.Никитин, казанское отделение АХРР объединяло почти 100 % художников и архитекторов города, включая 68 человек, в том числе 19 художников-живописцев, 18 архитекторов и инженеров. Казань ненамного отставала от Москвы по части количества выставок АХРР: если в последней за 1922 – 1926 гг. было организовано 8 выставок, то в Казани – 5. К 10-летнему юбилею Октября здесь тоже была запланирована большая художественная выставка произведений по темам, утвержденным праздничной Комиссией[18]. Сюжеты революционной истории, истории Октября и гражданской войны, революционные праздники и образы революционных вождей и советских лидеров нашли отражение в 20-е годы в ряде произведений, многие из которых были написаны к праздникам, таких казанских художников, как Н.И.Фешин («Восстание в тылу Колчака», портреты А.В.Луначарского, К.Маркса), П.П.Беньков («Митинг в цирке», портрет В.И.Ленина), Г.А.Медведев («Обстрел Казани с Услона», «Поход Стеньки Разина»), К.К.Чеботарев («Революция») и др.[19].

В 1927 г. образ революции в Татарской республике формировали во многом серии плакатов «История ВКП(б)» – 56 серий (по 25 номеров в каждой) на русском языке и 60 серий (по 24 номера в каждой) – на татарском[20]. Но эти плакаты были выпущены не в Казани, а в Москве, и распространялись они централизованно. К 10-летию революции значительное место в визуальной репрезентации советской исторической мифологии как в центре, так и в регионах занимали централизованно издававшиеся различными организациями (например, Обществом политкаторжан) по разрешению праздничной Комиссии при ЦИК СССР плакаты и портреты[21]. К этому времени «центр» уже тщательно контролировал и визуальную продукцию, выходившую на местах. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 29 июля 1927 г. и Президиума ВЦИК от 29 августа того же года издание на местах художественных произведений, плакатов и прочей визуальной продукции без предварительного просмотра их агитационно-зрелищной подкомиссией праздничной Комиссии Президиума ЦИК СССР было запрещено[22].

Другим важным каналом трансляции мифологии раннесоветских празднеств в культурную память населения, помимо визуальных образов, стала вещно-предметная атрибутика, мир вещей, «культовых» предметов, связанных с празднеством, напоминавших о нем. Создание вещно-предметной праздничной атрибутики стало важной составляющей стратегии «продвижения» советских праздников в быт населения и соответствующей кампании уже с середины 1920-х гг., и даже ранее. Так, мысли о необходимости «внедрения» советских праздников в быт трудящихся уже в 1924 г. звучали на заседаниях праздничных Комиссий Татарской республики[23]. Широко, во всесоюзном масштабе кампания за это «внедрение» развернулась к 10-летию Октября. Выступая на совещании в Кремле 28 апреля 1927 г., Н.И.Подвойский призывал, «чтобы все празднество всеми своими красками проникало в быт. Мы заказали двенадцати или пятнадцати профессорам, – гордо поведал он, – изучить и показать быт, одежду, детские игрушки, набор украшений для рабочих и крестьян, октябрьский пряник и т.п. Они должны

показать все эти бытовые темы. Они должны разработать в порядке текстильного искусства платки и материи»[24]. В дополнении к этому было предложено проводить в последний день празднования «советскую ярмарку» с продажей на ней революционных плакатов, лубков, эмблем и безделушек «на память»[25].

Часть этой вещно-предметной праздничной атрибутики имела лишь конкретно мемориальное назначение: значки, нарукавные повязки, жетоны и т.д. непосредственно предназначались для вспоминания праздничного/поминального события и передачи памяти о нем потомкам. Столичные Центральные праздничные Комиссии начали выпуск праздничных жетонов, медалей и знаков уже в 1918 г.[26]. На этих памятных медалях и жетонах в честь первой годовщины Октября были изображены символы труда (скрещенные топор и молот, плуг, колосья), знамена, аллегорические фигуры и фигуры рабочего, крестьянина, представителей нерусских народов, помещены лозунги «Да здравствует свобода!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Товарищи, оповестим мир о социализме!», «Вся власть Совету!». Значок-жетон в честь 5-летия Октября был растиражирован в количестве 150 тысяч штук[27].

Издавались значки и жетоны и на местах. И также под эгидой местных Комиссий. Более того, Комиссии фактически «узурпировали» права на издание праздничной продукции. Так, в конце зимы 1924 г. Центральная Комиссия при ТатЦИК по организации траурной демонстрации по случаю смерти Ленина объявила свое исключительно монопольное право на издание портретов, фотографий, значков, фигур, бюстов и других изображений Ленина и на устройство конкурса художественного увековечивания памяти вождя[28]. Однако на деле комиссии не имели возможности заниматься этим самостоятельно, и издание и изготовление праздничной атрибутики часто «делегировалось» Комиссией другим организациям. В частности, ЦК Деткомиссии в тот же год были выпущены марки и карточки «Прощай, вождь»[29]. Ко Дню республики 25 июня и к Октябрьской годовщине 1925 г. рекламно-

издательское бюро республиканской газеты «Кзыл Татарстан» и издательство газет и журналов при ТатЦИК «Гажур» по разрешению Комиссии выпустили красные нарукавники, соответственно, с однодневным знаком «Пять лет Татарской республики» и с памятным знаком в честь 8-й годовщины революции[30].

Особенно интенсивно увековечивалось в значках и других мемориальных предметах празднование годовщин и юбилея главного советского праздника, в частности, 10-летия Октября. Значки к юбилею заблаговременно начали готовить как центральные, так и местные организации и комиссии. Но постановлением Совнаркома СССР от 21 июня 1927 г. монопольное право их издания было предоставлено Осоавиахим СССР, а местным комиссиям выпуск значков был запрещен[31]. Заметим, что выпуск мемориальной продукции имел – помимо агитационно-пропагандистского – и весьма прагматический интерес: средства от реализации должны были идти в фонд обороны страны.

Однако многие организации не пожелали смириться с монополией, тем более, что выпуск значка Осоавиахимом не заладился. 7 июля Секретариат Комиссии ЦИК СССР даже рассматривал возможность приобретения Осоавиахимом для распространения по СССР юбилейного значка (серп и молот с датами «1917 – 1927»), выпущенного за границей немецкими коммунистами, приславшими его для утверждения в СССР[32]. Неудача с изданием значка Осоавиахимом была официально констатирована 23 сентября 1927 г. [33].

Битвы за право выпуска праздничной атрибутики начались еще до объявления монополии и продолжались даже после - вплоть до конца октября. Секретариату Комиссии президиума ЦИК СССР они доставили немало хлопот. Ему пришлось отклонять ходатайства МОПР, Монетного двора и других организаций, пытавшихся выговорить себе право выпуска различных знаков и монет. Так, 22 марта 1927 г. Секретариат Комиссии президиума ЦИК СССР отклонил ходатайство МОПР об издании юбилейного нагрудного знака памяти Красной Гвардии и ходатайство Монетного Двора о выпуске юбилейной медали и рубля[34], 30 июня отверг просьбу Монетного Двора о предостав-

лении ему исключительного права изготовления юбилейного значка, сославшись на монополию Осоавиахима[35]. Ряд организаций, нарушавших монополию на изготовление праздничной продукции, Секретариату Комиссии президиума ЦИК СССР пришлось призывать к порядку, правда, чаще постфактум. Например, АХРР, еще в апреле 1927 г. проведя конкурс на значок к 10-летию Октября, летом выпустила юбилейный значок, заявив, что он был разрешен Центральной юбилейной Комиссией при ЦИК СССР[36]. На массивном медном, с эмалью значке, выпущенном АХРР, было изображено римское число «десять», а на обороте – серп и молот[37]. 30 июня 1927 г. Секретариат Комиссии Президиума ЦИК СССР возмущенно указал Правлению АХРР на незаконность выпуска им юбилейного значка без утверждения Комиссией и запретил распространять его[38]. А 26 октября Секретариат опроверг газетное сообщение Деткомиссии ВЦИК и Отдела охраны материнства и младенчества (Охматмлада) Наркомздрава о том, что выпущенная ими праздничная продукция одобрена Комиссией[39]. Мало того, что эти организации самовольно выпускали праздничную атрибутику, так еще и рекламировали ее в печати со ссылкой на одобрение Комиссии.

Монополию на изготовление праздничной атрибутики приходилось отстаивать и перед лицом местных организаций. Многие местные комиссии и организации подчинились монополии, даже отказались от своих прежних решений о выпуске собственных значков, как Киевская[40] и Татарская комиссии[41]. Но некоторые – например, Днепропетровская и Вятская праздничные комиссии все же выпустили свои значки[42]. Вдобавок, несмотря на все усилия «центра», «незаконная», т.е. неутвержденная Комиссией продукция центральных организаций усиленно и массово распространялась в регионы – через областные Деткомиссии, подотделы охраны материнства и младенчества, АХРР и прочие организации, закупавшие эту продукцию и продававшие ее на местах[43]. Как бы то ни было, но усилия центральных праздничных комиссий, официальных монополистов-изготовителей и неофициальных «наруши-

телей монополии» порождали широкий ассортимент советской праздничной атрибутики, наводнявшей праздничное и повседневное пространство страны.

Помимо чисто мемориального значения, мир праздничных вещей и атрибутики имел и бытовое функциональное назначение. Праздничные перстни[44] украшали советских модниц. Выпущенные к 10-летию Октября агитфонари со сменными диапозитивами, формой сечения напоминавшие пятиконечную звезду, освещали жилища и клубы[45]. «Художественно-световые звезды» с портретом Ленина посередине, выпущенные Обществом «Долой неграмотность» и рекламно-издательским бюро по разрешению праздничной Комиссии ко Дню республики и к Октябрьской годовщине в 1925 г., украсили и заизолировали провода надворных фонарей Казани[46]. О функциональности выпущенных к празднику кружек[47], предметов одежды, а тем более, «октябрьского пряника» (о котором писал Подвойский) упоминать, видимо, излишне. В те небогатые времена большинство этих предметов являли собой материальную ценность, хранились в качестве таковой, денно и нощно воздействуя на образы памяти обладателя. Значимость памятных вещей для закрепления праздничных мифологических образов в памяти последующего поколения была тем большей, что она многократно усиливалась и эмоционально окрашивалась воспоминанием о близких (родителях, дедах и бабках), бывших первыми владельцами этих предметов и участниками праздничных событий, переходя таким образом в категорию семейных реликвий[48].

Мемориальные вещи, хранившие тепло родных рук, и тем самым сакрализованные для потомка, способствовали и сакрализации как далеких праздничных событий, так и еще более дальних отмечавшихся ими исторических дат. И, кроме того, эти вещи способствовали их «присвоению», переводу тех и других событий из сферы общественной, коллективной в индивидуально-интимную: коллективные мифы о событии подкреплялись семейными мифами о владельце памятной вещи. Надо ли говорить, что хотя власти и не могли контролировать бытование и содержание этих многочис-

ленных «одомашненных» мифов, само их наличие объективно способствовало реализации изначальной цели, ради которой выпускались мемориальные предметы – они стирали индивидуальные воспоминания об историческом событии, подменяя их коллективными впечатлениями от празднеств, способствовали адаптации населения страны в культурном пространстве советского праздника.

---

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.A18.21.0955 по теме "Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI вв.)".

[1] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. М., 1995. С. 160, 167-168.

[2] См.: Паперный В. Культура «два». Ann Arbor, 1985. С. 17, 31-32, 59, 81, 112, 119, 150-153, 173, 185, 231.

[3] Красный Октябрь. Пг., 1922. С. 3.

[4] Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее - ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 1. Д. 855. Л. 33 об.

[5] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 3316. Оп. 42. Д. 74. Л. 96, 98б.; Д. 75. Л. 56.

[6] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 357. Оп. 1. Д. 21. Л. 90, 94.

[7] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 20. Л. 60.

[8] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 20. Л. 97.

[9] РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 21. Л. 95 об.; ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 28. Л. 21 – 22.

[10] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 401. Л. 83.

[11] РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 21. Л. 95; ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 401. Л. 80 – 83 об.

[12] От рабства к Советам. Художественный альбом, составленный по картинам Музея революции СССР и др. М., 1923.

[13] РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.

[14] РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

[15] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 74. Л. 66 – 67, 100; Д. 75. Л. 85; Д. 20. Л. 41 – 47, 87.

[16] Например, Одесская Октябрьская Комиссия 1927 г. заказала картины на такие местные сюжеты истории революции и гражданской войны, как «Стычка с гайдамаками», «Рабочие читают подпольный «Коммунист»», «Приход Красной Армии в Одессу» (ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 19. Л. 322).

[17] Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 127. Л. 19.

[18] НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1063. Л. 31, 33 – 35 об.

[19] Дульский П.М. Искусство в Татреспублике за годы революции // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете им. В.И.Ульянова-Ленина. 1929. Т. 34. Вып. 3-4. С. 210 – 215.

[20] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 401. Л. 171; НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1062. Л. 131.

[21] НАРТ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 1530. Л. 211.

[22] НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1062. Л. 93.

[23] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1260. Л. 57 об.

[24] НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1056. Л. 23.

[25] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 27. Л. 20.

[26] См.: Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М., 1987. С. 27, 291, 319, 480.
[27] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 163. Л. 60.
[28] НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 371. Л. 31; Д. 516. Л. 7.
[29] НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 372. Л. 59 об.
[30] НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 621. Л. 57 – 60; Д. 620. Л. 35.
[31] НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1056. Л. 109 об. – 110.
[32] См.: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 20. Л. 119; Д. 25. Л. 65.
[33] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 20. Л. 130.
[34] См.: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 20. Л. 90 об.
[35] См.: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 20. Л. 112.
[36] РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 21. Л. 95; ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 401. Л. 82 об.
[37] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 25. Л. 61.
[38] См.: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 20. Л. 112.
[39] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 20. Л. 132.
[40] Киевская Комиссия выпустила памятные жетоны для участников местных событий (см.: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 21. Л. 249), но 23 июля 1927 г. решила принять для Украины значок Осоавиахима, предложенный Всесоюзной Комиссией, отменив свое постановление о предоставлении права выпуска такого значка обществу «Друг детей» (см.: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 19. Л. 108).
[41] 15 июля 1927 г. Комиссия ТатЦИК также отменила постановление своей агитационно-зрелищной подкомиссии о выпуске в республике собственного юбилейного значка (НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1062. Л. 88), правда, 22 сентября монопольное право на выпуск юбилейного значка по Татарской республике все же было предоставлено обществу «Долой неграмотность» (см.: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 401. Л. 2; НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1062. Л. 94).
[42] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 21. Л. 120; Д. 24. Л. 16.
[43] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 21. Л. 157.
[44] Перстни к 10-летию Октября выпустил Отдел охраны материнства и младенчества Наркомздрава (ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 21. Л. 157).
[45] НАРТ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 1530. Л. 100 – 101.
[46] НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 621. Л. 74 – 75; Д. 620. Л. 35; Д. 1062. Л. 88.
[47] Юбилейные кружки, а также флажки и повязки выпустила Деткомиссия при ВЦИК (ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 21. Л. 157).
[48] О семейных реликвиях и их функционировании см., например: Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 161-174.